

Мяо Саньнян с головой ушла в свои дела с тофу. В деревне она уже одарила всех, а его всё равно оставалось много. Вечером Фэн Циншуан устроила целый пир из тофу: ела его в разном виде, вместе с соевым жмыхом, и так объелась, что не могла не признать: земля в последнее время была обработана не зря.

Тофу всё еще оставалось немало, и Мяо Саньнян придумала выход. Она попросила Фэн Циншуан позвать кого-нибудь из односельчан, у кого было свободное время, чтобы те бегали продавать тофу в соседнюю деревню или даже в городок. За фунт тофу просили три монеты, и они договорились, что за каждые два проданных фунта помощнику полагается одна монета. Фэн Циншуан вышла из дома и вскоре привела женщину и мальчишку лет десяти; они с радостью согласились на это дело.

Вдвоем, нагрузив корзины тофу, они отправились прочь из деревни.

После двух дней молотбы бобов Мяо Саньнян и Фэн Циншуан выбились из сил, но Мяо Саньнян всё не находила себе покоя, с тревогой глядя на запасы бобов. Фэн Циншуан, прислонившись к стене, чтобы отдохнуть, заметила: Что ты так суетишься? Тофу ещё не распродано, а ты всё делаешь и делаешь. Если испортится, что будем делать? В погребе места на всё не хватит.

Мяо Саньнян поделилась своими опасениями: Боюсь, если не переработаю их сейчас, бобы сами испортятся. Услышав это, Фэн Циншуан вздохнула: Если дело только в этом, можешь не волноваться. Завтра будет солнечно, я разложу бобы во дворе, они просохнут, и тогда им не страшна порча. По крайней мере, хранить их будет проще, чем тофу.

Мяо Саньнян, у которой не было опыта в таких делах, решила послушаться совета Фэн Циншуан. Она отложила работу, намереваясь завтра заняться сушкой бобов, а свежеприготовленный тофу отправить на продажу. В последнее время в деревне мало кто занимался тофу, а те женщина с мальчишкой оказались расторопными, и им удалось продать немало товара.

Когда Мяо Саньнян получила первую выручку и взвесила в руке кошелек, её охватила радость. Раньше именно Фэн Циншуан всегда приносила деньги, а теперь наконец настала её очередь внести свой вклад. Фэн Циншуан, глядя на неё, похвалила: Никогда бы не подумала, что ты у нас настоящая красавица-тофу.

Раньше, дома, я очень любила тофу. От нечего делать научилась его готовить, не думала, что это когда-нибудь пригодится, — призналась Мяо Саньнян. Она редко рассказывала о своей прошлой жизни, и в Деревне Фэн, кроме её покойного мужа, никто ничего не знал о её происхождении.

Фэн Циншуан проявила любопытство: Твоя семья занималась тофу? Мяо Саньнян улыбнулась ей, но покачала головой: Я даже не знаю, чем они занимались. Наверное, денег у них было вдоволь. Жаль, что я родилась не в той семье — моя мать была из публичного дома. Отец хоть и забрал меня к себе, но никогда не обращал внимания и даже запрещал называть его отцом.

Дома я жила как беспризорная душа, никто мною не интересовался. Когда я выросла, меня по-прежнему никто не замечал. Я даже не знаю, как Фэн Эргоу узнал о моем существовании. Когда он пришел свататься, семья вспомнила, что есть такая, как я, и, мечтая поскорее от меня избавиться, дала согласие. Так я оказалась в Деревне Фэн.

Фэн Циншуан слушала, затаив дыхание. Она никак не ожидала, что история жизни Мяо Саньнян окажется настолько необычной. Неудивительно, что та выглядела такой хрупкой и слабой: если бы она выросла в богатом доме, пусть даже внебрачной дочерью, она бы не знала крестьянского труда и не разбиралась в огороде. Но будь она законной дочерью знатной семьи, как бы она оказалась в таком бедственном положении и стала бы так униженно заискивать перед другими ради крова над головой?

Фэн Циншуан сама не знала, почему вдруг почувствовала такую острую жалость, а вместе с ней — неловкость. Хотя она сама росла без матери, отец всегда заботился о ней, а муж был её другом детства, с которым они вместе выросли. Пусть он и был несчастным человеком, но их жизнь не шла ни в какое сравнение с участью Мяо Саньнян. Та была накормлена и одета, но казалась куда более жалкой, чем они все.

Фэн Циншуан не находила слов, чтобы утешить подругу. Заметив её состояние, Мяо Саньнян сама улыбнулась, стараясь приободрить её: Всё хорошо, я уже не принимаю это близко к сердцу. Иногда думаю, что так даже лучше. Говорят, две мои старшие сестры вышли замуж не по своей воле, так что им пришлось не слаще, чем мне. Они перешли из одной тюрьмы в другую, а мне, может, повезло больше — я внезапно обрела свободу.

Она всегда так себя успокаивала. На самом деле, переехав в Деревню Фэн, она не была сильно расстроена. Фэн Эргоу был слаб здоровьем, семья жила бедно, но от неё не требовали тяжелого труда — уборку и стирку она делала и в родительском доме. А когда Фэн Эргоу умер, она не почувствовала особого горя, скорее тревогу: куда теперь её направят, какая судьба её ждет? К счастью, хотя свекровь и проклинала её, называя «губительницей мужа» и «лисой», ей позволили остаться в Деревне Фэн в крошечной хижине.

Она прекрасно понимала, что запасы не бесконечны. Ей хотелось что-то делать, но она была беспомощна. Думала, что свекровь просто ждет, когда она сама умрет с голоду. Многие деревенские мужчины пытались ей помочь, но она не решалась легко принимать их доброту. Она научилась различать людей: принимала помощь только от простых и добрых сердцем, у которых не было скрытых целей, но и тогда ходила словно по тонкому льду. Всё изменилось, когда она встретила Фэн Циншуан. Она знала: если она удержит Фэн Циншуан рядом, ей больше нечего бояться. Фэн Циншуан поможет ей.

И она не ошиблась. Её жизнь становилась всё лучше, и она полюбила эти перемены. Она бесчисленное количество раз засыпала с мыслью, что хотела бы прожить так всю жизнь. Теперь у неё была не только стабильность, но и надежда — и этой надеждой была Фэн Циншуан. Неизвестно, когда именно её привязанность к Фэн Циншуан переросла в нечто большее, когда сердце начало учащенно биться при мысли о ней.

Она пыталась понять, не просто ли это зависимость, но различить чувства, переплетенные в

одно целое, было невозможно. Она лишь ясно осознавала, что больше не хочет расставаться с Фэн Циншуан. Ей нравилось не только жить вместе, ей начала нравиться сама Фэн Циншуан. Как и сейчас: она сидела здесь, радуясь тому, как они вместе перемалывают бобы, как она готовит для Фэн Циншуан, как они вместе пересчитывают деньги в кошельке и планируют жизнь.

Глядя на Фэн Циншуан, которая всё ещё пыталась подобрать слова, Мяо Саньнян поняла: как можно не любить такого горячего, такого простого и доброго человека? Мяо Саньнян потянулась и взяла Фэн Циншуан за запястье: Ашуан ведь не бросит меня, правда?

Фэн Циншуан, ещё не успевшая до конца осознать услышанное, лишь согласно закивала: Конечно. Живи спокойно, пока я рядом, я во всем тебе помогу.

Мяо Саньнян улыбнулась, но про себя подумала: разве этого достаточно? Этого катастрофически мало. Но она знала, что Фэн Циншуан говорит искренне. Этот простой человек ничего не таил в душе, и у неё не было никаких злых помыслов. Может, они смогут прожить всю жизнь вместе? Если она сама не уйдет, Фэн Циншуан не выгонит её. Но если появится кто-то другой, кто завладеет сердцем Фэн Циншуан, как она сможет с этим смириться?

Мяо Саньнян приняла решение: раз уж о законном браке не может быть и речи, лучше сначала сделать их союз настоящим, а потом уже решать, как закрепить это имя. Учитывая характер Фэн Циншуан, если они станут близки, она возьмет на себя супружеский долг, а там можно будет потихоньку занять всё её сердце, и больше не придется бояться, что появится кто-то чужой.

В конце концов, с прямолинейностью Фэн Циншуан, если она пойдет напролом, та лишь предложит стать сестрами — разве придет ей в голову мысль о супружестве?

Подумав об этом, Мяо Саньнян тут же перешла к действиям. Она сходила в комнату, где они ели, и достала маленький кувшинчик вина — подарок от одной семьи, которую она вчера угостила тофу. Открыв кувшин, она почувствовала аромат вина, взяла две чаши, наполнила их и протянула одну Фэн Циншуан.

Фэн Циншуан подумала, что та вспомнила прошлое и хочет заглушить печаль, поэтому решила составить ей компанию. Она взяла чашу, сделала глоток и спросила: Тебя ведь зовут просто Саньнян? Она думала, что в такой семье обязательно должны давать имена, и что Саньнян просто не хочет вспоминать прошлое, поэтому отказалась от полного имени.

Мяо Саньнян покачала головой: У меня нет имени. Люди там стыдились меня, даже глядя в лицо, не звали по имени, а отец и подавно не думал мне его давать. Просто у меня были две старшие сестры, вот меня так и прозвали. В деревне многие носили подобные имена, никто не умел читать, поэтому и здесь никто не удивлялся, полагая, что Мяо Саньнян пришла из другой деревни.

Такие имена, как Фэн Циншуан, были редкостью в деревне, и это имя для неё когда-то выбрал деревенский ученый из соседнего селения. Фэн Циншуан, поняв, что снова задела болезненную тему, смущенно отпила вина.

Видя это, Мяо Саньнян начала рассказывать ей больше историй из детства: даже когда она болела, только кухарка советовала ей, какие травы нужно собрать, а поскольку сил у девочки не было, приходилось жевать сырые травы. Фэн Циншуан так разжалобило это признание, что она не могла вымолвить ни слова и только молча пила вино. Вскоре её лицо вспыхнуло розовым цветом.

Мяо Саньнян подошла ближе и ткнула Фэн Циншуан в щеку: У тебя лицо покраснело, ты опьянела? Фэн Циншуан раньше никогда не пила вина — будучи вдовой, она даже не думала о том, чтобы покупать его или пробовать. Теперь у неё слегка кружилась голова, но она боялась упасть, ведь тогда Мяо Саньнян некому было бы излить душу. Она настаивала: Нет, продолжай. Расскажешь о своих печалях — и ветер их унесет. В будущем... я буду тебя защищать.

Мяо Саньнян наклонилась и обхватила лицо Фэн Циншуан ладонями. Щеки той были горячими. Мяо Саньнян смотрела на неё: Я знаю, Ашуан обязательно меня защитит и позаботится обо мне. Ты самая трудолюбивая, самая добрая и самая милая на свете.

Фэн Циншуан от такого прямого взгляда растерялась, а от откровенной похвалы её щеки запыхали ещё сильнее. Никто и никогда не обращался с ней так нежно. Дома был только отец: он очень любил её, но, будучи грубым мужчиной, не умел проявлять нежность. Она многим помогала, и люди были ей благодарны, но никто не смотрел на неё так, как Мяо Саньнян, и никто не хвалил её так прямо и мягко.

Ночной ветер принес легкую прохладу, хотя в последнее время становилось всё жарче, и одеяла в доме уже заменили на тонкие. Фэн Циншуан ещё пару дней назад думала достать циновки, но по ночам всё ещё было зябко. Ночной ветер сегодня был таким же, но странное дело: хоть он и дул в лицо холодом, щеки оставались горячими.

<http://bllate.org/book/21325/2163255>